

Расовая гигиена в России Евгений Алексеевич Шепилевский (1857–1920) и зарождение евгеники в Российской империи¹

БЬЁРН М. ФЕЛЬДЕР

Университет Георга-Августа, Гёттинген, Германия; bfelder@uni-goettingen.de

Остается не до конца изученным перенос евгенических идей из Западной Европы и США в царскую Россию. Е.А. Шепилевский учился во Франции и Германии, в 1903 г. стал профессором гигиены и бактериологии Юрьевского университета. В 1913 г. он опубликовал одну из первых монографий по евгенике в России. Следуя примерам из США и Европы и находясь под влиянием работ Эрнста Рюдина и Геза фон Хоффманна, он выступал за широкую пропаганду евгеники, за создание Российского евгенического общества. Он был фактически первым профессором в Российской империи, который читал лекции по евгенике студентам, а также своим коллегам (в частности, в Российском медицинском обществе им. Н.И. Пирогова в Юрьеве). Среди учеников Шепилевского были ведущие евгеники позднее возникших прибалтийских государств — Латвии и Эстонии. В статье рассматриваются взгляды Шепилевского на евгенику, его роль в передаче евгеники в Россию и его личность, как пример взаимосвязей в Европейском Северо-Востоке.

Ключевые слова: евгеника, гигиена, Германия, Россия, Прибалтийские государства, Юрьевский (Дерптский) университет

Евгений Алексеевич Шепилевский, профессор гигиены и бактериологии из Юрьева (Дерпт, Тарту)², прочитал поздней осенью 1913 г. ряд докладов на тему «расовой гигиены» перед студентами и выпускниками университета и перед своими коллегами-медиками. Его доклады были опубликованы в 1914 и 1915 гг. соответственно в форме монографии и статьи и являются пионерскими публикациями по расовой гигиене в Российской империи (Шепилевский, 1914; 1915). В своей работе Шепилевский представил читателям расовую гигиену как новое «течение» гигиены, целью которой было «очистить» «расу» от «дегенератов» всех видов, к которым он относил в том числе «преступников, алкоголиков, душевнобольных, идиотов и др.» (Шепилевский, 1914, с. 4, 56). Он был абсолютно убежден в необходимости биологической селекции путем евгенической практики и в заключительной части своей работы призывал читателей как «культурную часть человеческой расы» осознать свою «ответственность» и «облагородить» свои наследственные признаки. В качестве возможных инструментов прикладной евгеники он предлагал как запрет на брак для душевнобольных, так и евгеническую стерилизацию и генеалогические справки о состоянии наследственного здоровья для заключения брака. Доклады и публикации были частью евгенической программы Шепилевского, он считал широкую массовую пропаганду расовой гигиены абсолютно необходимой в России (Шепилевский, 1914, с. 74–75).

¹ Перевод на русский язык Е. Слепович.

² Город, который в немецкой традиции называется *Dorpat*, после распада Киевской Руси последовательно принадлежал Новгородской республике, Ливонскому ордену, Речи Посполитой, Швеции, России и Эстонии, чем обусловлено разнообразие вариантов названий города. С 1224 по 1893 г. он носил имя Дерпт, с 1893 по 1919 г. — Юрьев, после 1919 г. — Тарту. (*Прим. ред.*)

Монография Шепилевского важна не только потому, что это одна из первых работ о евгенике в принципе и первая в России, которая следовала немецкому направлению евгеники. Она, кроме того, показывает, насколько тесно Шепилевский сотрудничал с немецкими расово-гигиеническими кругами. По крайней мере, он был в курсе последних дискуссий на тему расовой гигиены. В своих докладах 1913 г. он подробно рассказывал о таких практических евгенических мерах, как, например, узаконивание запрета на брак и принудительная стерилизация в разных штатах Америки. Эти факты были почерпнуты им из работы Геза фон Хоффманна о расовой гигиене в США, которая была опубликована только в 1913 г. (Hoffmann, 1913). Шепилевский видел себя прежде всего распространителем евгеники, который хотел донести до российской общественности идеи немецкой расовой гигиены, озвученные в 1911 г. на Международной выставке по вопросам гигиены в Дрездене. Он был сторонником идей национальной и радикальной расовой гигиены, которая позже приобрела название «Мюнхенского течения» (Эрнст Рюдин, Макс фон Грубер), что является примечательным фактом в российском контексте³.

До настоящего времени Е.А. Шепилевскому как ученому и исследователю не было уделено большого внимания⁴. О распространении евгеники и расовой гигиены в Российской империи накануне Первой мировой войны известно немного. Это было время расцвета евгенического движения в США, Англии и Германии, когда создавались первые влиятельные евгенические общества, первые евгенические исследовательские институты. Однако мало известно о том, насколько евгенические идеи проникли в Россию, как и какие евгенические модели были приняты, какое место они заняли в политических, социальных и научных дискуссиях (см.: Felder, 2011; Kremontsov, 2011). В литературе по евгенике в России и СССР практически ничего не говорится о зарождении евгенических дискуссий накануне Первой мировой войны⁵, а также не уделяется внимания заимствованию и проникновению евгенических идей⁶. В области психиатрии, напротив, Даниэль Бир (Beer, 2008) указал на значимость «буржуазного» тезиса о дегенерации не только в Российской империи, но и в сталинское время, и показал, каким образом довоенная дискуссия оказала влияние на сталинскую политику, по крайней мере, в отношении врагов советской власти — «социально опасных элементов». Текст Шепилевского подтверждает эту мысль: его риторика «чисток» от «малолноценных» очень напоминает брутальную демографическую политику сталинского времени и, таким образом, показывает определенную последовательность в этом вопросе. Евгенические работы Шепилевского представляют собой, таким образом, не только часть ранней истории российской евгеники, но и являются примером транснациональных научных сетей и научного трансфера, который в фукианском смысле

³ О евгенике в Германии перед Первой мировой войной см., к примеру: Weindling, 1991; Weingart et al., 1988. О Рюдине см.: Weber, 1993.

⁴ См. статью В.В. Калинина (1977), а также упоминания в обзорных трудах по истории Дерптского университета (Kälbin, 1986, p. 203, 217; а также Tartu Ülikooli, 1982).

⁵ См. в качестве обзора: Adams, 1990. О евгеническом обществе в Советском Союзе см.: Бабков, 2008.

⁶ Шмуть и Россиянов говорят о ранней советской евгенике как об институциональном куполе, под которым, благодаря его модернистскому духу, могли объединиться учёные различных направлений и который давал им возможности для развития. Так, некоторых учёных интересовала не столько евгеника, сколько проведение собственных научных исследований (Rossijanow, 2000; Schmuhl, 2000).

биополитики оказывал влияние на общественно-политическую сферу. Всё это прекрасно видно на примере Шепилевского, который бесспорно повлиял на возникновение евгенических проектов в Прибалтийском регионе.

Жизненный путь русского расового гигиениста

Неудивительным является тот факт, что местом первых лекций и публикаций по расовой гигиене стал Юрьев. Российские медики и биологи жили в империи, которую сами воспринимали как «отсталую»⁷, однако именно по этой причине они старались участвовать в актуальных западных научных дискуссиях, в том числе и евгенических. Важную роль в трансфере знания и науки играли Балтийские провинции, в частности Юрьевский университет. Он находился на западной периферии империи, однако играл связующую роль с Западной Европой. Связь с Центральной Европой, особенно с Германией, была обусловлена большим числом немецких и прибалтийско-немецких ученых, которые даже после русификации в конце XIX в. имели постоянный доступ к основным профессиональным дискуссиям. Кроме того, Юрьев находился недалеко от Санкт-Петербурга, что способствовало обмену и связям между учеными внутри страны.

В 1904 г. Е.А. Шепилевский стал профессором кафедры гигиены и бактериологии в Юрьевском университете. Географическое положение университета, безусловно, способствовало повороту интересов ученого к расовой гигиене, однако можно предположить, что его знакомство с евгеническими идеями и принятие им евгенического стиля мышления состоялось раньше, во время его пребывания в Западной Европе, в центрах медицинской науки того времени⁸.

Евгений Алексеевич Шепилевский родился 29 января 1857 г. в Выборгском районе в семье священника. Он окончил гимназию в Санкт-Петербурге, после чего поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1882 г. После этого он практиковал врачом в военном госпитале Риги. С 1893 г. по 1895 г. он работал в бактериологической лаборатории Военно-медицинской академии, где в 1897 г. защитил диссертацию на тему «Формальдегид как средство дезинфекции»⁹. После этого он работал военным врачом в Курске и Риге. В 1895 г. Шепилевского командировали на два года на повышение

Рис. 1. Евгений Алексеевич Шепилевский (1857–1920).

⁷ Эту оценку можно найти в тексте евгениста Николая Гамалеи, коллеги Шепилевского в Дерпте в 1912–1913 гг. (Gamaleja, 1912).

⁸ О жизни и профессиональном становлении Шепилевского см. его личное дело в университете Дерпта: Eesti Ajaloohiiv (Эстонский исторический архив, далее — ЭИА). Ф. 402. Оп. 3. Д. 1857; биографию из его дела о принятии на работу: ЭИА. Ф. 402. Оп. 9. Д. 424. Кроме того, см.: Kabin, 1986; а также: Калинин, 1977.

⁹ Шепилевский Е.А. Формальдегид как средство дезинфекции. Дисс. докт. мед. С.-Петербург, 1895.

квалификации в Западную Европу. Сначала он работал в Берлине в Институте Роберта Коха (1843–1910) под руководством сотрудников Коха — бактериологов Рихарда Пфейфера (1858–1945) и Августа фон Вассермана (1866–1925), а также химика Бернхарда Проскауэра (1851–1915). Во время пребывания в Берлине он также слушал лекции таких светил, как, например, Рудольф Вирхов (1821–1902). После этого он переехал в Вюрцбург к профессору бактериологии Карлу Леманну (1858–1940). Наконец, он поехал в Институт Луи Пастера в Париже, где работал под руководством Ильи Мечникова (1845–1916), который в 1908 г. вместе с Паулем Эрлихом получил Нобелевскую премию в области медицины. После возвращения в Россию Е.А. Шепиловский начал преподавать в Военно-медицинской академии в 1903 г., а через год его пригласили работать в Юрьев.

Годы учебы в Германии и Франции у ведущих бактериологов того времени дали Шепиловскому не только глубокие научные знания, но и явились основой для будущей карьеры в России. Скорее всего, во время обучения за рубежом Шепиловский получил первые евгенические импульсы, так как это период распространения евгенических идей в европейском научном сообществе, особенно в Германии. Именно в это время Альфредом Плётцом и Вильгельмом Шальмайером были написаны основополагающие работы по расовой гигиене (Ploetz, 1895; Schallmayer, 1903). Что касается Мечникова, то, с одной стороны, он очень рано и незадолго до своей смерти отказался от евгенических идей и идей расовой гигиены, но, с другой стороны, как дарвинист и приверженец естественных наук, был сторонником целенаправленного «улучшения человеческой природы» (цит. по: Schmuck, 2008, р. 147; там же подробно сказано о философских представлениях Мечникова). При этом он, правда, ничего не говорил о практическом воплощении этой идеи в жизнь. Кроме того, Мечников был сторонником дарвиновской идеи о борьбе за выживание на физиологическом и клеточном уровнях (Schmuck, 2008, р. 123), которая в смысле «естественного отбора» представляла собой один из важнейших моментов классического евгенического мышления.

После пребывания за рубежом последовал самый плодотворный научный этап в его жизни Е.А. Шепиловского, во время которого им было написано более 26 работ. Отчасти они были написаны за границей, в частности в Институте Роберта Коха; многие из них родились и были опубликованы в сотрудничестве с немецкими коллегами-исследователями¹⁰. Доступ Шепиловского к актуальной евгенической литературе свидетельствует, не в последнюю очередь, о том, что он наладил в те годы тесные контакты с зарубежными коллегами, которые с того момента он поддерживал постоянно¹¹.

Поездка на Международную гигиеническую выставку в Дрезден в 1911 г. стала, как подчеркивал сам Шепиловский, первой вехой в его деятельности в области расовой гигиены (Шепиловский, 1914, с. 1). Он был настолько впечатлён выставкой в Дрездене, что решил не только нести идею евгеники в Россию, но и участвовать во Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге в 1913 г. Он организовал там несколько выставочных стендов на тему гигиены, которые включали в себя результаты исследований его кафедры¹². Сами российские организаторы выставки в Санкт-Петербурге

¹⁰ Обзор его публикаций этого времени можно найти у В.В. Калинина (1977, с. 43, 56–57).

¹¹ К сожалению, его личное дело в Тарту сохранилось лишь фрагментарно, однако кое-какая информация содержится в протоколах Совета медицинского факультета. Так, Шепиловский ездил еще в мае 1914 г. в Швейцарию и Германию. Протокол факультета от 16 марта 1914 г.: ЭИА. Ф. 402. Оп. 9. Д. 195. Л. 65.

¹² Отчёт о деятельности Юрьевского университета за 1913 г.: ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1475. 51 л.

открыто признавали достойный подражания характер выставки-предшественницы в Дрездене¹³. Накануне Первой мировой войны Шепилевский развернул свою евгеническую деятельность и уже с 1912 г. читал лекции по евгенике, как публичные, так и для студентов всех факультетов в Юрьевском университете, которые постепенно были опубликованы к началу войны.¹⁴ Очевидным является тот факт, что самое позднее с 1912 г. Шепилевский сделал расовую гигиену главной темой исследований на кафедре. Это подтверждает, скажем, тот факт, что в 1912 г. он взял на кафедру в качестве лектора-преподавателя Н.Ф. Гамалею, который преподавал в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге и в Новороссийском университете в Одессе, а также руководил частным институтом в Санкт-Петербурге и активно занимался евгеническими темами¹⁵. Гамалея также читал в Дерпте публичные лекции по расовой гигиене, которые упоминались в эстонскоязычной прессе (Gamaleja, 1912). Гамалея покинул Юрьев в 1914 г., однако на кафедре продолжались начатые им исследования. Сотрудники и аспиранты Шепилевского занимались вопросами наследственности и «дегенерации» в области морфологии бактерий (Штамм, 1912). Служебные поездки Шепилевского весной 1914 г. были официально посвящены дальнейшему обучению в области расовой гигиены¹⁶.

Можно предположить, что эти исследования развивалась бы и дальше, если бы в августе 1914 г. не началась Первая мировая война. С этого момента были осложнены и политически дискредитированы международные контакты, особенно с Германией. Кроме того, университет должен был подстраиваться под требования войны, в частности, корректировать обучение на медицинском факультете. Шепилевский в течение всей войны оставался в Юрьеве. Он уехал из Юрьева в Воронеж только во время частичной эвакуации университета летом 1918 г. Там он также возглавил кафедру гигиены в университете, где работал вплоть до своей смерти от гриппа 3 февраля 1920 г. (Калинин, 1977, с. 55).

Представления Шепилевского о расовой гигиене в России

Целью создания и развития направления расовой гигиены в Тартуском университете были для Шепилевского в первую очередь не собственные исследования, а общее распространение евгенических идей в России. Шепилевский считал, что российское научное сообщество и широкая общественность ничего не знали об опасности вырождения. Первым шагом евгенических мероприятий поэтому должна была стать

¹³ См. отчет о выставке: Булатова, 1915, с. 420.

¹⁴ О лекциях см., к примеру, годовой обзор деятельности университета за 1912 г., в нем отчет о деятельности Института гигиены: ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1461. Л. 54. Информацию о лекциях можно также найти в годовом отчете университета за 1913 г.: ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1475. 51 л. Ср.: Шепилевский, 1911.

¹⁵ О Гамалее см. его личное дело в университете Тарту: ЭИА. Ф. 402. Оп. 3. Д. 362. В Советском Союзе несколько раз публиковалась биография Гамалеи, который позже стал членом Академии наук СССР. Так как эти статьи были написаны, в основном, во время лысенковщины, там ничего не говорилось о ранних публикациях Гамалеи на темы евгеники и биогенетики. Ни в одной работе не встречается упоминание о юрьевском времени Гамалеи, о его евгенических публикациях. Статьи о нем напоминают, скорее, описание жизни святых, см.: Николай Федорович Гамалея, 1947; Иванченко, 1951; Миленушкин, 1954; 1967.

¹⁶ См. годовой отчет Юрьевского университета за 1914 г.: ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1485. Л. 145.

массовая популяризация расовой гигиены среди широких слоев населения России (Шепилевский, 1914, с. 74). В этом отношении Шепилевский, как видно, преуспел, так как уже в 1913 г. он читает доклад на эту тему перед выпускниками университета, будущими учителями гимназий. Можно сделать вывод, что руководство университета стояло на стороне Шепилевского, или же, по крайней мере, можно предположить симпатии к евгеническим идеям со стороны ректора и руководства учёного совета. Надо добавить, что Шепилевский пользовался большим уважением как учёный. Накануне Первой мировой войны он был не только председателем Российского медицинского общества им. Н.И. Пирогова в Юрьеве, но и председателем местного Общества естествоиспытателей. Он также имел хорошие контакты с петербургскими биомедицинскими кругами¹⁷.

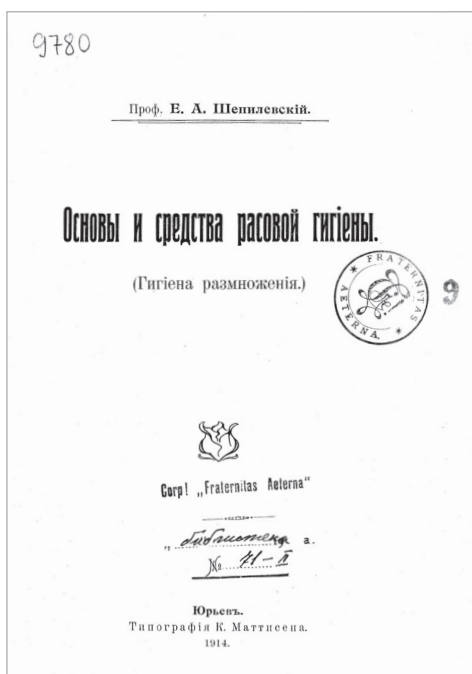

Рис. 2. Титульный лист монографии Е.А. Шепилевского

Шепилевский видел себя в первую очередь распространителем идей евгеники, представлявшим «новое течение гигиены» российской публике — расовую гигиену, которая, по его мнению, имела не только большое будущее, но и должна была ещё сыграть важную роль для «человеческой расы» (Шепилевский, 1914, с. 1–3). Его представления о расовой гигиене нашли отражение в монографии 1914 г., которая возникла

¹⁷ См.: Заседание Общества естествоиспытателей от 9.2.1912 г. // Отчеты заседаний Общества естествоиспытателей в Юрьевском университете. 1912. № 12. С. XVIII. По Обществу им. Пирогова см.: Протокол № 58 от 6.11.1913 г. // Труды и протоколы заседания Медицинского общества им. Н.И. Пирогова. 1915. № 6. С. 230.

на основе лекции, прочитанной в ноябре 1913 г. Находясь под впечатлением от немецкой секции расовой гигиены на Международной гигиенической выставке в Дрездене, он поставил своей задачей донести до российской публики «материалы» секции расовой гигиены дрезденской выставки, опубликованные Максом фон Грубером и Эрнстом Рюдиным, а также научные выводы из других работ. При этом речь не шла конкретно о переводе (Шепилевский, 1914, с. 1).

Уже во введении прослеживается явное влияние немецкой расовой гигиены. В общем и целом Шепилевский в значительной степени ориентируется на работу Рюдина и Грубера (*Fortpflanzung...*, 1911). Да и в плане содержания и структуры его работа напоминает работу немецких расовых гигиенистов. Основная часть посвящена теории «естественного отбора», «дегенерации»; акцент делается на генетике, в частности на генетике человека, перечисляются возможности практической реализации евгенических моделей.

Во введении Шепилевский говорит о далеко идущих последствиях евгеники для «человеческой расы», подчёркивает ее глобальное значение. Учёный называет ее протцов — Чарльза Дарвина, Спенсера, отцов-основателей — Фрэнсиса Гальтона и теоретиков — Августа Вейсмана, Огюста Фореля, Вальтера Шальмайера и Альфреда Плётца. В нём также идёт речь о международном распространении, и приводятся примеры прикладной евгеники в Англии и США (Шепилевский, 1914, с. 3–6).

Первая глава посвящена «естественному отбору как фактору сохранения в чистоте человеческой расы (селекция) — контрселекция». В своих рассуждениях о расовой гигиене Шепилевский берёт за основу и образец для евгенической практики — «естественный отбор» Дарвина. Так, «природа» позаботилась о том, что «малоценные» выбраковывались (Шепилевский, 1914, с. 7–12). То, что механизмы отбора относятся и к людям, он считает доказанным фактом. Однако он замечает, что в современном обществе механизмы отбора нарушены. Причину смягчения отбора он видит в «социальных связях» и «традиции заключения брака». Что касается последнего, он утверждает, что его современники преследуют в браке прежде всего экономические, а не евгенические интересы и не уделяют должного внимания физическому здоровью супруга, за исключением сельского населения, где физическая сила по-прежнему ценится (Шепилевский, 1914, с. 7). Что именно он подразумевает под «социальными факторами», остается неясным. Ученый подчёркивает, что в настоящее время оказывается поддержка «слабым, больным и слабоумным». Он говорит даже о «войне» против «естественного отбора», в результате которой предпочтение отдается «слабым», а не «сильным» (Шепилевский, 1914, с. 10). Этот феномен Шепилевский называет «контрселекцией». Тем самым он, как можно предположить, критикует новое, современное социальное государство. Это может говорить, в частности, об отказе от социалистических идей, но скорее подразумевает критику современной медицины, которая направляет свои ресурсы не на здоровых, а на больных людей, которые к тому же ещё и страдают якобы наследственными заболеваниями (сифилисом или туберкулезом) и тем самым вредят будущему потомству. Такая модель была довольно типична для мышления евгенистов того времени¹⁸.

Кроме того, Шепилевский затрагивает демографическую проблематику, с которой он ознакомился на гигиенической выставке в Дрездене. Почти во всех современных

¹⁸ Ср., к примеру, высказывания на этот счет либерального евгениста В. Шальмайера, который высказывался против «принудительного кормления» душевнобольных: Schallmeyer, 1910, p. 440.

европейских государствах наблюдалось падение уровня рождаемости, что ограничивало возможности «естественного отбора» вследствие ограниченной вариации. Шепилевский также говорил о возможном вымирании целых народов в результате снижения рождаемости. Популярной стала модель рождения двух детей в семье. Кроме того, размножаться, с его точки зрения, будут главным образом низшие слои населения: прежде всего «малоценные» будут иметь большое потомство, в то время как у интеллигенции будет меньше детей. Шепилевский употребляет здесь термин «опрошение» (*Verpöbelung*) немецкого расового гигиениста Макса фон Грубера, которое также оказывает негативное влияние на отбор (Шепилевский, 1914, с. 8–10)¹⁹.

Тем не менее Шепилевский делает относительно позитивный вывод в отношении «естественного отбора» в современном мире, хоть и в довольно циничной форме. Он ссылается на современные исследования, в том числе на работы дерптского профессора фармакологии Давида Лаврова (1865–1929)²⁰, и показывает, что «малоценные», как, в частности, алкоголики, имеют в основном «малоценное» потомство — «пьяниц, эпилептиков, слабоумных, душевнобольных, идиотов и других дегенератов» (Шепилевский, 1914, с. 11). Их потомство является, как правило, настолько нежизнеспособным и больным, что такие семьи «вымрут» самое позднее через три-четыре поколения (там же). Он был уверен, что в конечном счёте «отбор внутри расы» будет успешным, в результате чего «сильные» одержат верх над «слабыми». Он также был убежден, что «цивилизованные страны» осознают эту задачу, поддержат «естественный отбор» евгеническими мерами (в этой связи он называет запрет на брак для психически больных) и победят «дегенерацию». Показательным является участие учёного в обсуждении вопроса «малоценности». Он глубоко убеждён в различной биологической ценности разных людей. Но примечательно, что речь идёт не только о «слабых» и «больных», которые страдают якобы наследственными заболеваниями. Понятие «малоценности» распространяется здесь также на область социальных отклонений. «Минус-варианты» — это, согласно такому подходу, в том числе алкоголики. При этом смешиваются социальные и биологические моменты. «Пьяницы» были, исходя из евгенической логики того времени, не только социально иными, но и вследствие потребления ими алкоголя наносили ущерб своему геному и, следовательно, будущим поколениям. Однако Шепилевский говорит также о «дефектах и аномалиях» в области «моральных представлений» и о «чистоте в моральном отношении» (Шепилевский, 1914, с. 6, 11). Неудивительно, что он неоднократно включает «слабоумных» в описание враждебных образов евгеники. По определению того времени, это была широкая группа, начиная от умственно отсталых и заканчивая неблагополучными семьями и необразованными слоями населения. Это соответствовало сфере деятельности расовой гигиены тех лет.

Следующую главу Шепилевский посвящает явлению «вырождения», или «дегенерации». Речь идет о росте заболеваемости туберкулезом, алкоголизмом, венерическими и психическими заболеваниями и так далее, которые воспринимались как биологический распад. Он описывает два противоположных взгляда западных учёных на это явление, которое, по его мнению, реально существует. Сначала он приводит радикальную позицию со ссылкой на Макса фон Грубера, согласно которой общество переживает острый биологический распад, прогрессирующее коллективное ухудшение генома, «расовую

¹⁹ Фон Грубер высказался аналогичным образом ещё в 1912 г. (Gruber, 1914), хотя такой взгляд разделял даже такой социал-демократический евгенист, как Альфред Гротьян (Grotjahn, 1914).

²⁰ О Лаврове см.: Kabin, 1986, p. 187.

дегенерацию», что приведёт к вымиранию нации, если не будут приняты соответствующие евгенические меры. Как противовес этому Шепилевский приводит либеральную точку зрения. Здесь он ссылается на кенигсбергского психиатра Курта Гольдштейна, который рассматривал этот феномен в контексте социальных причин, таких как бедность, плохие гигиенические условия и т. п. В конечном счёте Гольдштейн задаётся вопросом о том, объясняется ли дегенерация культурными или биологическими факторами, и не находится ли общество в переходном историческом периоде, от аграрного к индустриальному обществу, после окончания которого уродства дегенерации будут опять ослабевать²¹. Хотя Шепилевский описывает здесь две различные позиции, становится ясно, что он является сторонником скорее биологической точки зрения. Эта позиция соответствует позиции в протоевгенической дискуссии о дегенерации в России в восприятии Бенедикта Мореля (1809–1873), которая велась уже с последней трети XIX в. и представляла наследственно-биологические и детерминистские взгляды²². В начале XX в. к дискуссии о генетической детерминированности преступности добавились другие компоненты биологизации социальных явлений в области патологий (Beer, 2008, p. 35).

Шепилевский подробно описывает последовательность и структуру наследственности. Эта глава — самая большая в его монографии. Шепилевский обосновывает это важностью учения о наследственности — генетики, которая является основой для евгенических идей. Его текст похож на текст учебного пособия об актуальных на тот момент исследованиях в области генетики. Это на самом деле было специальностью Шепилевского, который, как морфолог и бактериолог, детально занимался вопросами наследственности в этой области. Его ассистенты также проводили подобные исследования. Так, например, Иоганн Штамм писал у него диссертацию об изменчивости холерных вибрионов (Шепилевский, 1914, с. 34). В целом Шепилевский следует генетически-детерминистскому подходу Вейсмана, который не предусматривал наследования приобретенных признаков, что в то время провозглашалось неоламаркистами. Он также подробно описывает правила наследственности по Грегору Менделю. Таким образом, Шепилевский следовал научному мейнстриму того времени в вопросах генетики. Глава завершается подробным описанием наследственности у человека. В контексте немецкой расовой гигиены упомянут длинный список предполагаемых наследственных заболеваний — от слепоты до туберкулеза, который Шепилевский перенял у Макса фон Грубера из материалов гигиенической выставки в Дрездене (Шепилевский, 1914, с. 50). Он недвусмысленно говорит о наследственности психических заболеваний и подчеркивает негативное влияние сифилиса и алкоголизма на наследственность.

Практическая евгеника

Центральную часть работы Шепилевского составляли выкладки по практической евгенике. Он подчеркивал, что евгеника представляет собой «искусственный отбор», который должен заменить «естественный отбор», если тот нарушен (Шепилевский,

²¹ Шепилевский ссылается на следующую работу: Goldstein, 1913.

²² О Мореле см.: Morel, 1857; о его влиянии в Европе конца века: Mann, 1985; Pick, 1989; Becker, 2002.

1914, с. 55). Следовательно, «малоценные индивидуумы» должны быть исключены из цепочки наследования. Про расовую гигиену он пишет следующим образом: «Цель ее по возможности очистить расу от преступников, алкоголиков, душевнобольных, идиотов и т. д., одним словом, ото всякого рода дегенерантов» (Шепилевский, 1914, с. 56). Использование термина «чистить» является примечательным прежде всего потому, что он редко встречается в немецком и западноевропейском евгеническом контекстах, хотя и является близким евгеническому стилю мышления.

В целом же Шепилевский делает акцент скорее на «негативных» инструментах евгеники, но при этом указывает и на позитивные инструменты, а также на необходимость повышения наследственного здоровья в целом, причём не только путем селекции неполноценных. Он подробно останавливается на возможной практической реализации евгеники. Шепилевский приводит, в частности, в качестве аргумента пример США, где к тому времени в более чем 24 штатах были приняты законы, которые можно было назвать евгеническими. Он выделяет три основных инструмента для борьбы с «ухудшением расы» и называет в качестве первого возможность запрета на брак для людей, которые страдают различными наследственными заболеваниями и должны быть исключены из естественного воспроизводства. Согласно Шепилевскому, в различных штатах США такие запреты на брак были приняты для душевнобольных, умственно отсталых, эпилептиков, алкоголиков, преступников и других «больных». В дополнение к этой возможности он называет такой инструмент, как справка о наследственном здоровье, которая при заключении брака фиксировала бы состояние наследственного здоровья молодожёнов или же с самого начала не допускала бы брака. В вопросе «расово-гигиенического контроля» он указывает на проблематику добровольности и принуждения, к которой надо было походить дифференцированно (Шепилевский, 1914, с. 59).

В качестве радикального евгенического инструмента Шепилевский называет стерилизацию. Он указывает на то, что стерилизация облегчается не в последнюю очередь благодаря новой технике вазэктомии; её проведение теперь гораздо проще и менее проблематично, чем кастрация, которую применяли до этого. В отличие от последней при вазэктомии мужчинам перевязывали только семенные канатики. Согласно Шепилевскому, стерилизация в США была очень «популярна» не только среди радикальных сторонников евгеники, но проводилась даже среди несовершеннолетних с согласия или по просьбе родителей. Шепилевский приводит закон о стерилизации в американском штате Индиана от 1907 г., который там, впрочем, как и в других штатах Америки, предусматривал только принудительную стерилизацию. В общей сложности он называет 13 штатов, которые разрешают евгеническую стерилизацию, в том числе два, где предусмотрена принудительная стерилизация в качестве меры наказания в отношении правонарушителей (Шепилевский, 1914, с. 62). Целевой группой в разных штатах были слабоумные, преступники, идиоты, алкоголики, наркоманы, эпилептики, проститутки и сифилитики. Шепилевский также пишет, что стерилизация уже проводилась в Швейцарии в отношении «идиотов и душевнобольных». Однако он признает, что в США эти радикальные законы не являются абсолютно бесспорными (Шепилевский, 1914, с. 64).

В качестве третьего инструмента он называет генеалогическую картотеку наследственности — каталог населения, в котором должны в течение долгого времени собираться различные медицинско-биологические, в частности наследственно-патологические, данные с целью создания евгенической картотеки всего населения. Эта картотека могла бы, к примеру, предоставлять евгеническую справку в вопросах вступления в брак. На самом деле подобную картотеку начали в это время создавать

американские евгенисты Чарльз Давенпорт и Гарри Лафлин в их институте (Евгенический государственный архив в Колд Спринг Харбор)²³, что, однако, не упоминает Шепилевский. Тем не менее он знал об американском институте, о котором подробно писал Хоффман (Hoffmann, 1913), чью книгу Шепилевский использует в качестве основного источника. Наконец, Шепилевский косвенно агитирует в пользу евгенического общества или даже евгенического научно-исследовательского института в России и приводит в пример Финляндию и Германию, где это уже планировалось (Шепилевский, 1914, с. 69).

Шепилевский делает следующий вывод в вопросе о практической евгенике в США: радикальные силы там ещё не имеют успеха, а их популярность будет зависеть от будущих успехов. Он также описывает американские дискуссии о том, кто или какие органы должны принимать решение о различных мерах и насколько в этот вопрос должно вмешиваться государство. Шепилевский видит, наконец, решающий аспект дискуссии в том, должна ли «раса» — или народ — принимать решение относительно индивидуума. Он фактически занимает тем самым позицию радикального утилитаризма. Создается впечатление, что Шепилевский был убеждённым последователем евгеники. Так, в конце он напоминает, что каждый человек имеет не только право на жизнь, но и должен нести «ответственность» по отношению к человечеству, особенно в отношении передачи своей наследственности. Для Шепилевского евгеника является новым необходимым принципом жизни. Свою работу он заканчивает призывом распространять идеи евгеники в окружающем мире (в оригинальной речи это было обращение к аудитории — будущим учителям гимназий). В целом, он видит для России, в евгеническом плане абсолютно неопытной, необходимость широкой массовой пропаганды, чтобы со временем каждый мыслил в евгеническом русле (Шепилевский, 1914, с. 74). Эта идея Шепилевского, наряду с другими, была характерной утопией многих евгенистов и одним из немногих примеров «позитивной евгеники» учёного. Он верил, что при наличии широкого евгенического сознания и соответствующего поведения дальнейшие мероприятия будут излишними.

Шепилевский и его образцы расовой гигиены из Германии

Шепилевский открыто позиционировал себя как распространителя евгенических идей, который в первую очередь знакомит русского читателя с немецкой исследовательской литературой. Примечательно, какую литературу он использует, какие пассажи переводит и перенимает. В предисловии к своей монографии он пишет, что его цель — представить российскому читателю каталог секции расовой гигиены гигиенической выставки 1911 г. в Дрездене Эрнста Рюдина и Макса фон Грубера (Шепилевский, 1914, с. 1; Fortpflanzung..., 1911). Шепилевский находится под большим влиянием этой работы и её авторов. Действительно, оба автора, представители «Мюнхенской группы» немецкой расовой гигиены, были известны после войны своими крайне радикальными евгеническими взглядами. Они придерживались в отношении рас нордическо-националистического направления, которое выступало за превосходство «северной расы». Э. Рюдин возглавил в 1920-е гг.

²³ О Давенпорте см.: Black, 2003, p. 36. См. также настоящий журнал, с. 66..

Немецкий исследовательский институт психиатрии, будущий Институт психиатрии имени кайзера Вильгельма в Мюнхене; в 1933 г., при национал-социализме, он стал самым влиятельным немецким расовым гигиенистом (Weber, 1993).

Шепилевский следовал за Рюдином и Грубером не только в содержательной структуре, как, например, в акценте на генетику. Он перенял прежде всего термин «расовая гигиена» — став, пожалуй, единственным в этом смысле в России. Насколько этот выбор повлиял на содержательный аспект, будет показано далее. Мюнхенское влияние проявляется, пожалуй, в перенятых и описанных им предполагаемых наследственных заболеваниях. Кроме того, немецкое влияние заметно в склонности к детерминистско-биологическому взгляду на дегенерацию. Наконец, Шепилевский называет в основном «негативные» инструменты евгеники и почти не касается «позитивных», что также говорит о влиянии Рюдина и Грубера.

Однако перевод каталога выставки был делом довольно сложным, так как он содержал множество эмпирических данных, цифр и мало описательного текста. Таким образом, Шепилевский был вынужден — даже если он до этого и не был знаком с этими источниками — прибегать к текстам других авторов. Одним из авторов, которых он часто цитирует, был Вальтер Шальмайер, написавший, наряду с Альфредом Плётцем, одну из первых в Германии работ по евгенике (Schallmayer, 1910). Шальмайер был приверженцем более либерального, чем Рюдин и Грубер, направления евгеники и причину дегенерации видел во влиянии как социальных, так и генетических факторов. Шепилевский подвергает критике культ «северной расы» (Шепилевский, 1914, с. 183, 374). Но в вопросах практической евгеники он остается приверженцем достаточно радикальных методов, хоть и считает приоритетными «позитивные» инструменты (Шепилевский, 1914, с. 41, 388). Шепилевский не обсуждает различные точки зрения разных авторов, за исключением дискуссии о дегенерации. Однако при этом он описывает только общие позиции, а не личные мнения отдельных авторов. Примечательными являются его ссылки на работу Курта Гольдштейна, профессора психиатрии еврейского происхождения из Кёнигсберга, которого Шепилевский цитирует целыми абзацами. Он переводит отрывки из работы Гольдштейна по вопросам наследования, отбора, демографии и стерилизации. Высказывания Макса фон Грубера об «упрощении» (Vergöbelung) переведены также из книги Гольдштейна. В целом в чисто текстовом плане у Гольдштейна было перенято больше пассажей, чем у Грубера и Рюдина²⁴. Это удивительно, так как Гольдштейн не был характерным евгенистом для Германии, его идеи ближе к социальной гигиене Альфред Гротьяна (Grotjahn, 1923). Гольдштейн подчеркивает социальные причины дегенерации и видит значение евгеники прежде всего в обосновании социальной политики, сокращении бедности, организации гигиены и так далее, даже если он не полностью отказывается от евгенической стерилизации. Все эти моменты Шепилевский не упоминает.

В главе о практической евгенике Шепилевский прежде всего ссылается на значимую для европейской евгеники работу австро-венгерского дипломата Геза фон Хофмана (Hofmann, 1913), который пишет о практической евгенике в США, а также о стерилизационных и иммиграционных законах. У Хофмана, который, кстати, был скорее радикальным евгенистом, Шепилевский находит практические наглядные примеры, а также подтверждение возможности принятия евгенических мер.

²⁴ Шепилевским были сделаны заимствования и перевод со следующих страниц: Goldstein, 1913, p. 11, 14–15, 16, 26, 58.

Не совсем ясно, в каком именно смысле Шепилевский употребляет термин «раса». Один раз он использует формулировку «человеческая раса» в смысле человечества. Кроме того, он использует общий термин «раса», когда имеется в виду биологическая группа или речь идёт о генофонде нации, выражаясь современным языком. В отличие от других евгенистов, которые обычно подробно обсуждали и дефинировали термин «раса»²⁵, Шепилевский не высказывается на этот счет, хотя выбирает термин «расовая гигиена» в качестве ключевого. Очевидно, он считает его известным и понятным для своих читателей и слушателей.

В общем и целом заметна близость Шепилевского к немецкому подходу. Работы Гольдштейна и Гофмана появляются только в 1913 г. и, предположительно, уже используются Шепилевским в лекциях в ноябре того же года. Во всяком случае он их явно прочитал до публикации своей монографии, которая увидела свет в 1914 г. Это только подтверждает то, что он имел очень хорошие контакты в Германии, а также являлся частью международной научной сети. Это удивительно, учитывая сильные германофобские настроения в России накануне Первой мировой войны. Ещё в мае 1914 г. Шепилевский ездил в командировку в Германию и Швейцарию²⁶. Вообще, Шепилевский ссылается, конечно, на гораздо большее количество работ, чем приводится здесь. Двухстраничная библиография, приводимая в книге, также является неполной, так как в тексте он ссылается и на других авторов, в частности, на немецкого расового гигиениста Альфреда Плётца, который на рубеже двух веков написал одну из основных работ по немецкой расовой гигиене (Ploetz, 1895; Шепилевский, 1914, с. 4). Выборочно упоминаются некоторые важные работы, хотя Шепилевский ссылается и на других авторов, некоторые из которых не были включены в библиографию. В целом же, кроме Гальтона, в отношении евгеники цитируются только немецкие авторы (см. библиографию: Шепилевский, 1914, 76).

Влияние Шепилевского на Прибалтийский регион

Возникает вопрос, мог ли профессор из университета на периферии Российской империи, который прочел несколько лекций и опубликовал небольшие работы по расовой гигиене, оказать серьезное влияние на биомедицинский дискурс в России. На самом деле Дерптский (Юрьевский) университет был до 1918 г. главным научным центром для прибалтийских провинций Российской империи. Здесь обучалась биомедицинская элита образовавшихся после Первой мировой войны балтийских государств, хотя представители балтийских народов, которые только начинали формировать собственную национальную идентичность, обучались и в российских университетах в Санкт-Петербурге, Москве и других городах. Тем не менее в Дерпте доля представителей местных национальностей была довольно высокой, несмотря на то, что большинство студентов было из Центральной России.

Среди прибалтийских народов гигиенические представления и связанные с ними евгенические идеи нашли широкий отклик. Так, среди латышей и эстонцев были

²⁵ Ср., к примеру, размышления Шальмайера о терминах «расовая гигиена» и «раса»: Schallmaier, 1910. S. 352, 374–377.

²⁶ Факультетский протокол медицинского факультета: 16.03.1914: ЭИА. Ф. 402. Оп. 5. Д. 195. Л. 65.

широко развиты антиалкогольные движения, которые одновременно были носителями и распространителями национального самосознания²⁷. Действие алкоголя, наносящее вред зародышевой клетке, и следующие из этого евгенические идеи были частью требований запрещающих союзов. Евгенические идеи активно обсуждались накануне Первой мировой войны в эстонском национальном движении (Kalling, 2009). В 1924 г. в Эстонии было организовано «Эстонское общество евгеники “Расовая гигиена”» (*Eesti Eugeenikaselts „T utervis“*). И в Латвии, и в Эстонии позже родились национальные евгенические проекты, которые на основании евгенических законов в Эстонии с 1937 г. и в Латвии с 1938 г. предусматривали аборт и стерилизацию по евгеническим показателям (в Эстонии даже без согласия пациентов)²⁸.

В 1939 г. в Эстонии в Тартуском университете была создана кафедра евгеники. Заведующим кафедрой стал Ханс Мадиссоон (1887–1956), в то время председатель эстонского евгенического общества²⁹. Судебный биолог и антрополог, Мадиссоон изучал медицину в Юрьевском университете с 1911 г. по 1917 г., затем работал ассистентом и в 1924 г. защитил диссертацию. Х. Мадиссоон посещал лекции Шепилевского и в своей автобиографии назвал его научным учителем³⁰. Примечательно, как сильно Мадиссоон, аналогично Шепилевскому, ориентировался на немецкую расовую гигиену. В отношении евгенической практики у него была не просто довольно радикальная позиция. По его мнению, евгеника в Эстонии должна была привести к формированию «расово» и «наследственно здоровой» нации (Madissoon, 1935, p. 354). Он регулярно ездил в Германию и поддерживал контакт с местными расовыми гигиенистами: в 1937 г. он посетил Фрица Ленца в Институте имени кайзера Вильгельма в Берлине, а год спустя он побывал у Отто Фрайхера фон Фершуера во Франкфурте-на-Майне³¹.

В Латвии также можно найти следы Шепилевского: Екабс Приманис изучал медицину в Юрьеве с 1911 по 1913 г. Позже он был призван на военную службу и переехал работать в Санкт-Петербургскую военно-медицинскую академию. В 1920 г. он перешел в Латвийский университет в Риге, на кафедру анатомии, которую возглавлял профессор Гастон Бакман. После того как Приманис получил стипендию Фонда Рокфеллера и провел два года (1925–1926) на стажировке в США и Европе, он стал в 1928 г. преемником Бакмана и, наконец, в 1932 г. — профессором анатомии. Как и его научный руководитель Бакман, он специализировался на расовой антропологии и поставил своей целью создать не только расовую идентичность для латышской нации, но и измерить и классифицировать всю нацию с расово-антропологической точки зрения. В 1930-е гг. он ввел лекции по евгенике в программу университета Риги и стал ведущим евгенистом в Латвии (Felder, 2009, p. 277–296). Е. Приманис настойчиво пропагандировал национальный евгенический проект, который появился в 1938 г., и вместе с хирургом Паулсом Страдиншом (председатель Общества оздоровления — *Veselības veicināšanas biedrība*) призывал к созданию евгенического научно-исследовательского института

²⁷ О национальном дискурсе в Эстонии см.: Kalling, 2007; по Латвии см.: Dribins, 1997.

²⁸ Об Эстонии см.: Kalling, 2007; о Латвии см.: Felder, 2009.

²⁹ О профессуре см.: приказ о назначении от 18.01.1939: ЭИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 596. Л. 308. О председательстве Евгенического общества см. записку, датированную мартом 1938 г.: ЭИА. Ф. 4855. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

³⁰ См. написанную от руки биографию Мадиссоона за 1920 г.: ЭИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 596. Л. 5.

³¹ См. дело доцента Мадиссоона Madissoon: ЭИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 137. Л. 147.

(*Tautas dzīvā spēka pētī anas institūts* — TDSPI), который был открыт в 1938 г. и директором которого он стал. Судя по его работам, Приманис тесно связывал с евгеникой расово-биологические идеи и хотел добиться «биологической ценности» народа не только через евгенические меры, но и через этническую «чистоту» (Prīmanis, 1939, p. 3–9). Можно предположить, что Приманис слушал лекции Шепилевского в Юрьеве. Ещё более вероятно, что он обсуждал евгенические модели в университетском объединении «Атауга» вместе с Херманисом Будулсом. «Атауга» была скорее не студенческой организацией, а клубом для дискуссий и повышения квалификации. Каждые выходные проводились доклады с последующим обсуждением (Vīksna, 2002, p. 6).

Херманис Будулс, ещё будучи студентом Юрьевского университета, был уже убежденным евгенистом, и в 1909 г. издал первую евгеническую монографию на латышском языке — первую в Прибалтике и Российской империи в целом. В то время он ещё только начинал изучать медицину. Сам факт того, что он писал на латышском, свидетельствует о его желании, чтобы молодая и становящаяся самостоятельной латышская нация выздоравливала также «расово» (Buduls, 1909). Будулс говорил при этом (он ссылаясь на Шальмайера) не о евгенике, а об «улучшении расового состава населения» (Buduls, 1909, p. 135, 151). Он специализировался в области психиатрии у профессора Владимира Чижа, а после окончания учебы в 1911 г. стал ассистентом в психиатрической клинике Юрьевского университета, которую возглавлял Чиж. В. Чиж считался не только крайне консервативным учёным, но и, в отличие от многих своих российских коллег, был последователем итальянского ученого в области уголовной антропологии Чезаре Ломброзо (1835–1909) и разделял его взгляды на биологические основы преступности³². Будулс защитил у Чижа диссертацию в области «сравнительной расовой психиатрии»: он изучал частоту нервных расстройств у различных этносов³³. Лекции Шепилевского Будулс посещал регулярно с 1909 по 1911 г.; Шепилевский был также вторым руководителем диссертационной работы Будулса³⁴. Ещё весной 1914 г. Будулс поехал в Берлин, чтобы продолжить учёбу у психиатра и евгениста Карла Бонхёффера в Университете кайзера Вильгельма. После окончания войны, в 1920 г., Будулс стал директором рижской психиатрической клиники «Сарканкалнс», а в 1924 г. — профессором психиатрии в Латвийском университете в Риге. Хотя Будулс практически не публиковал работы на евгенические темы, в 1930–е гг. он стал экспертом органов здравоохранения Латвии по вопросам евгеники. Его студенты, аспиранты и ассистенты, такие как Вернерс Краулис, Теодорс Упнерс и Херманис Салтупс, стали ведущими исследователями-евгенистами, рецензентами работ по евгенике и пропагандистами в научных и общественных кругах (Felder, 2009, p. 289). По примеру Шепилевского ученики Будулса также старались получить образование в области расовой гигиены в Германии. И Краулис, и Упнерс долго стажировались в Германии, в частности у Эрнста

³² О политическом позиционировании Чижа см.: Brown, 1985. О его размышлениях по поводу биологической детерминированности см.: Beer, 2008, p. 111. О европейском восприятии Ломброзо см.: Bondio, Winau, Müller-Dietz, 1995; Horn, 2003; Strasser, 2005.

³³ Будулс Х. К сравнительной расовой психиатрии. Дис. на степень доктора медицины. Юрьев, 1914 г.

³⁴ См. списки слушателей лекций за 1910–1911 гг.: ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1434. Л. 40; Там же. Д. 1447. Л. 65. Ср. дела диссертационной комиссии Будулса: ЭИА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 3449. Л. 21; а также рецензию Шепилевского на диссертацию: Там же. Л. 25.

Рюдина в Институте психиатрии кайзера Вильгельма в Мюнхене, где они проводили исследования для своих диссертаций³⁵. Сходство прибалтийской и немецкой евгеники как в плане содержания, так и в плане персоналий говорит о значении переноса идей расовой гигиены из Германии в этот регион. В этом процессе Шепилевский сыграл значительную роль.

Биомедицинский дискурс в России до 1914 года

После обзора влияния Шепилевского на Прибалтийский регион возникает вопрос о том, насколько его влияние затронуло дискуссии, которые велись в России на биомедицинские темы. Канун Первой мировой войны был временем, когда евгенические модели и стили мышления только достигли России. Так же, как это было в Германии в случае с Обществом расовой гигиены, уже были созданы объединения для популяризации евгеники, членами которых были не только врачи и учёные, но и представители широкой общественности. В то время как этот вопрос уже широко обсуждался в западноевропейских государствах, в Российской империи только начиналась дискуссия о евгенике в средствах массовой информации и в различных медицинских сообществах³⁶. Начало войны привело к очевидному ослаблению интереса, и настоящая дискуссия началась лишь после войны и революции (Adams, 1990). Тем не менее евгеническая модель мышления нашла благодатную почву в среде российских биологов и медиков, которые с начала века подробно обсуждали явление «дегенерации»; большое влияние на российскую дискуссию о дегенерации с начала века оказала работа Бенедикта Мореля; кроме того, активно обсуждались тезисы Ломброзо (Beer, 2008, p. 35, 103). Российские учёные были не только единодушны в вопросе существования феномена дегенерации, но и часто убеждены в наследственности «малоценности» в результате «вырождения», в том, что дегенерация, к примеру, в виде алкоголизма имела определённые наследственно-биологические последствия (Beer, 2008, p. 112). Велись споры о причинах, которые, по мнению большинства российских учёных и представителей интеллигенции, также крылись в общественно-социальных факторах и могли быть преодолены путём политических реформ. Однако не обсуждалось, что будет с людьми, которые уже страдали от «дегенерировавшей» наследственности. Наряду с этим в России также была группа учёных, которые объясняли дегенерацию биологически-генетическими причинами. В Юрьеве и в Санкт-Петербургском регионе было

³⁵ Там же, ср. их диссертации: *Verners Kraulis* “Zur Vererbung der hysterischen Reaktionsweise” (Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1931. Bd. 136. no. Heft 1 und 2. S. 174–258) и *Teodors Upners* “Experimentelle Untersuchungen über die lokale Einwirkung des Thiophens im Zentralnervensystems” (Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1939. Bd. 166. no. 1. S. 623–45). В 1942 г., во время нацистской оккупации, Упнерс ещё раз ездил в Мюнхен к Рюдину и после этого написал обширную монографию по евгенике: *Upners T. Eugenikas Nozīme Tautas un Valsts Dzīvē* [Значение евгеники для жизни нации и государства]. Rīga: Latviju Grāmata, 1943.

³⁶ Это было, скорее, представление идеи, чем обсуждение разных точек зрения. Это относится к работам Шепилевского за 1914 и 1915 гг., а также к другим ранним работам, таким как Кравец, 1914а, 1914б. Шепилевский называет тут различные евгенические общества Западной Европы и Северной Америки (Шепилевский, 1914, с. 4–5).

достаточно много представителей этой группы, в частности фармаколог Давид Лавров с его циничным взглядом на «вымирающее» поколение «малоценных детей» из семей «алкоголиков». Похожие взгляды были присущи Морелю (Шепилевский, 1914, с. 11). Юрьевский психиатр Владимир Чиж, как уже сказано, следовал за Ломброзо в его идеях генетического детерминизма (Чиж, 1894; Beer, 2008, p. 111; Viksna, 2002, p. 7).

Е.А. Шепилевский находился в контексте как западных, так и российских идей о «неполноценных», которых он также называл «минус-вариантами» и «дегенератами». «Неполноценность» относилась всегда к биологическому отклонению, отклонению от нормы и означала болезнь или инвалидность. «Малоценные» являлись целевой группой отрицательной евгеники и должны были быть подвергнуты «чистке», исключены из общества, чтобы продвинуть «сильных». Фактически Шепилевский относил дегенерацию не только к биологической области, но и к социальной детерминированности: так, он говорит «моральной деформации» как признаке дегенерации (Шепилевский, 1914, с. 6). Он также включает в группу «неполноценных» «слабоумных» и «алкоголиков» — описания, которые связаны как с биологическими, так и с социальными явлениями. «Пьяница» ведет себя социально девиантно, к тому же порождает биологически «неполноценных» детей вследствие вредоносного для наследственности действия алкоголя. К «слабоумным» относились, кроме инвалидов, в первую очередь представители низших социальных слоев. Шепилевский следовал, таким образом, направлению, в котором биологизировалось социальное. В этом плане он следовал российскому дискурсу психологов и психиатров, которые также разделяли некоторые взгляды Ломброзо, по крайней мере те, которые касались аномального поведения, в частности преступников, и считали генетическую конституцию причиной аномального поведения. Это направление требовало, соответственно, изолировать этих «социально опасных элементов» (Beer, 2008, p. 129).

Несмотря на все свои симпатии к немецкой расовой гигиене, Шепилевский был, таким образом, частью российского дискурса. Единственное отличие состояло в том, что он, как евгенист, призывал не просто к изоляции, а к «искусственному отбору» и исключению «дегенератов» из воспроизводства. В конечном счёте смысл изолирования был также евгеническим: дистанция от нормального общества должна была препятствовать любым контактам, в том числе сексуального характера. Так, евгенисты призывали также к изолированию различных групп в учреждениях и стерилизации как раз тех групп, которые находились в «здоровом» обществе (Goldstein, 1913, p. 61).

Евгеника казалась возможным решением проблемы дегенерации для будущих поколений, — по крайней мере, таким образом её представляли и популяризировали евгенисты. Так, в 1907–1908 гг., узнав о принятии в США законов о стерилизации, российские либеральные юристы и психиатры отвергли их как бесчеловечные и вместо этого выступили за изоляцию преступников. Однако они обсуждали этот вопрос только в контексте преступности и её предупреждения и наказания, а не в общем социальном или евгеническом контексте (Beer, 2008, p. 122). Неудивительным является тот факт, что спустя несколько лет евгенике начали открыто симпатизировать. Так, в 1911 г. Шепилевский написал для журнала по общественной гигиене Министерства внутренних дел России подробный отчёт о гигиенической выставке в Дрездене и отдельно остановился на расовой гигиене (Шепилевский, 1911). Также неудивительно, что его лекция в Медицинском обществе им. Н.И. Пирогова в Юрьеве в ноябре 1913 г. не вызвала какой-либо негативной реакции со стороны преимущественно

российских коллег. Напротив, после лекции были заданы скорее заинтересованные и в основном одобрительные уточняющие вопросы³⁷. В 1910-х гг. начался этап, на котором российские биологи и медики отозвались на евгенические модели мышления и отчасти уже начали их обсуждать. Об этом свидетельствует пример Н.Ф. Гамалеи, сотрудника Шепилевского с 1912 г. по 1914 г. Начиная с 1910 г. Гамалея был редактором издававшегося в Санкт-Петербурге журнала «Гигиена и санитария», материалы которого (статьи, рецензии на книги) со времени появления журнала и вплоть до 1913 г. регулярно посвящались евгенической проблематике. Главный редактор Н.Ф. Гамалея публиковал в журнале собственные статьи на такие темы, как евгеника и «вырождение России» (Гамалея, 1910; 1912).

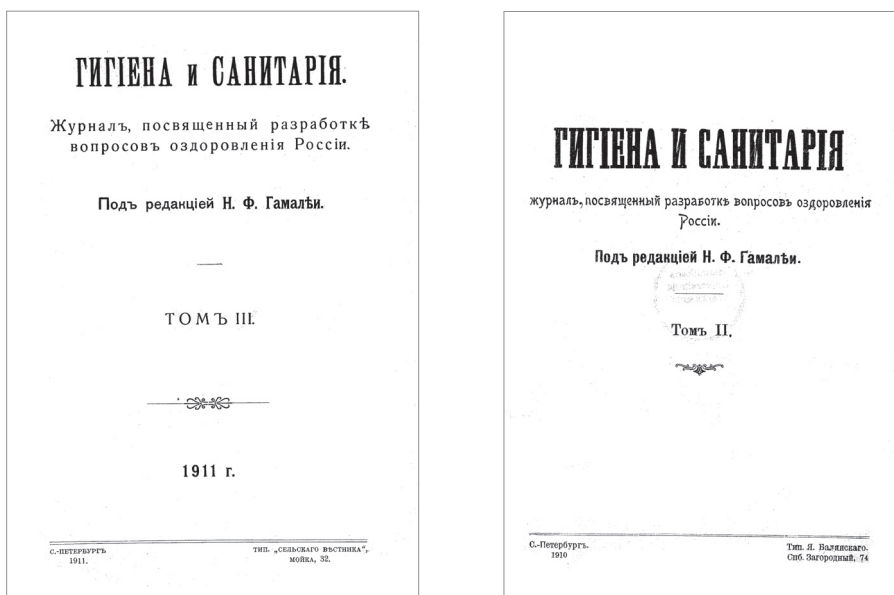

Рис. 3. Обложки журналов Гамалеи

Становится понятным, что Шепилевский был не аутсайдером, а частью зарождающейся в России дискуссии о евгенике. Обширные публикации учёного, его контакты, не в последнюю очередь активное участие в гигиенической выставке в Санкт-Петербурге подтверждают, кроме того, включенность Шепилевского в научные сети и дискуссии петербургской биомедицинской элиты³⁸. После начала войны Шепилевский был вынужден прекратить публиковать свои евгенические работы. По крайней мере, не обнаружено его трудов этого времени. Вероятно, трудности войны означали новые требования, которые ставились в том числе перед университетом, что делало невозможной подобную деятельность.

³⁷ Ср. протоколы обсуждения доклада Шепилевского на заседании от 06.11.1913 г.: Труды и протоколы заседания Медицинского общества имени Н.И. Пирогова. 1915. № 6. С. 232.

³⁸ Отчёт о деятельности Юрьевского университета за 1913 г.: ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1475, 51 л.

Заключение

Можно предположить, что в российском контексте Шепилевский не был особым случаем, если учесть его близость (приверженность) к немецкой расовой гигиене и немецким евгенистам. Пример российского гигиениста свидетельствует о значительном влиянии немецких евгенических работ на дискуссии по этому вопросу в Российской империи накануне Первой мировой войны. Другие авторы также были знакомы с немецкими работами по расовой гигиене³⁹. Российский психиатр и генетик Исаак Оршанский (1851–1923), профессор психиатрии Харьковского университета, был действительным членом Немецкого общества расовой гигиены и даже публиковался в Германии (Orschansky, 1903). Сначала он отвергал радикальную позицию Ломброзо, однако позже он стал убежденным приверженцем идеи о биологически-генетической предрасположенности к дегенерации (Оршанский, 1897; 1910).

В целом, несомненным является тот факт, что немецкие учёные, будучи пионерами в области евгеники и распространителями евгенических идей, оказали большое влияние на развитие естественных наук в России. Дарвинизм и биологически-генетический стиль мышления были распространены среди российских биомедиков, что было необходимым условием для принятия евгенических идей⁴⁰. Эти «современные» представления были в то время в Российской империи более широко распространены, чем можно себе представить. Если вспомнить сформулированное Шепилевским описание евгеники как «общественной чистки», встает вопрос, насколько эти «современные» представления были перенесены в послереволюционное время, а значит, в Советский Союз. Будущие исследования смогут прояснить вопрос о том, не повлияли ли евгенические модели мышления в том виде, как они были представлены Шепилевским, не только на советскую политику здравоохранения, но и, собственно говоря, на биополитические концепции, вплоть до brutальной сталинской демографической политики и террора «государства-садовника», которое «наводит порядок» и «пропальвает», как описал его Зигмунт Бауман (Bauman, 1989; 1995).

Литература

Бабков В.В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Будулс Х. К сравнительной расовой психиатрии. Дисс. на степень доктора медицины. Юрьев, 1914.

Булатова П.Н. Отчет по истории всероссийской гигиенической выставки в Петрограде в 1913 году. Пг.: Тип. путей сообщения, 1915.

Гамалея Н.Ф. Вырождение России // Гигиена и санитария. 1910. № 22–23. С. 509–518.

Гамалея Н.Ф. Об условиях, благоприятствующих улучшению свойств людей // Гигиена и санитария. 1912. Т. 6. № 19–20. С. 340–361.

Иванченко П. Академик Н.Ф. Гамалея. Одесса: Одес. обл. кн.-газ. изд-во, 1951.

³⁹ Кравец написал рецензию на работу Гольдштейна для одного важного естественнонаучного журнала: Кравец, 1914а.

⁴⁰ О дарвинизме в России см. статью Э.И. Колчинского (Kol inskij, 2011). В целом, случай Шепилевского подтверждает тезис о том, что прежде всего немецкие ученые задавали тон в био-медицинском дискурсе и преобладали в трансфере идей в Россию.

- Калинин В.В.* Профессор гигиены и бактериологии Тартуского университета Е.А. Шепилевский // Ülikoolo ajaloo kustumisi. 1977. № 6. С. 41–62.
- Кравец Л.П.* Наследственность у человека // Природа. 1914а. № 6. С. 721–744.
- Кравец Л.П.* Евгенетика // Природа. 1914б. № 10. С. 1229–1230.
- Миленушкин Ю.И.* Николай Федорович Гамалея. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Миленушкин Ю. И. Н.Ф.* Гамалея. М.: Медицина, 1967.
- Николай Федорович Гамалея* / под ред. И.С. Грязновой, Н.М. Нестеровой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Оршанский И.Г.* Роль наследственности в передаче болезней. СПб., 1897.
- Оршанский И.Г.* Атавизм и вырождение. М.: И.Н. Кушнерев, 1910.
- Чижев В.Ф.* Преступный человек перед врачебным судом. Казань, 1894.
- Шепилевский Е.А.* Формальдегид как средство дезинфекции. Дисс. докт. мед. С.-Петербург, 1895.
- Шепилевский Е.А.* Международная гигиеническая выставка в Дрездене 1911 г. // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1911. Т. 47. № 11. С. 1676–1688.
- Шепилевский Е.А.* Основы и средства расовой гигиены (гигиена размножения). Юрьев, 1914.
- Шепилевский Е.А.* Основы и средства расовой гигиены (гигиена размножения) // Труды и протоколы заседаний Медицинского общества им. Н.И. Пирогова. 1915. Т. 6. С. 61–137.
- Штамм И.А.* К вопросу об изменчивости холерных вибрионов в воде. Юрьев, 1912.
- Adams M.B.* Eugenics in Russia // The Wellborn Science / ed. by Mark B. Adams. New York, Oxford, 1990. P. 153–216.
- Bauman Z.* Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Frankfurt am Main, 1995.
- Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Ithaca, 1989.
- Becker P.* Verderbnis und Entartung: Eine Geschichte der Kriminologie des 19. Jahrhundertst als Diskurs und Praxis. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.
- Beer D.* Renovating Russia. The Humanities Sciences and the Fate of Liberal Modernity 1880–1930. Ithaca, London: Cornell University Press, 2008.
- Black E.* War against the Weak. Eugenics and America's Campaign to create a Master Race. New York, 2003.
- Bondio V.G., Winau R., Müller-Dietz H.* Die Rezeption der kriminalanthropologischen Theorien von Cesare Lombroso in Deutschland von 1880–1914. Husum: Matthiesen, 1995.
- Brown J.V.* Psychiatrists and State in Tsarist Russia // Social Control and the State / ed. by Andrew Scull and Stanley Cohen. Oxford: Blackwell, 1985. P. 267–287.
- Buduls H.* Lauliba un zilweka dsihwes mehrķis. Bioloģisks un etisks apzerejums. Riga: Sirgela, 1909.
- Dribins L.* Nacionālais jautājums Latvijā 1850–1940. Historiogrāfisks apskats. Rīga, 1997.
- Felder B.* Lettland im Zweiten Weltkrieg. Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern 1940–46. Paderborn: Schöningh, 2009.
- Felder B.* Rassenhygiene in Russland. Der Hygieniker und Bakteriologe Evgenij A. Šepilevskij (1857–1920) und die Anfänge der Eugenik in Russischen Zarenreich // Naturwissenschaft als Kommunikation zwischen Deutschland und Russland im 19. Jahrhundert International Tagung. Leipzig, 29.09–1.10.2010 / ed. by O. Riha and M. Fischer. Aachen: Shaker, 2011.
- Fortpflanzung, Vererbung, Rassenhygiene. Illustrierter Führer durch die Gruppe Rassenhygiene der Internationalen Hygiene-Ausstellung 1911 in Dresden / ed. by M. von Gruber, E. Rüdin. München: J.F. Lehmann, 1911.
- Gamaleja N.F.* Т utervenduse- petuse, eugeenika p hjuism tteist ja ülesannetest // Postimees. 1912. 5–9 Nov.
- Goldstein K.* Über Rassenhygiene. Berlin: Julius Springer, 1913.
- Grotjahn A.* Geburten-Rückgang und Geburten-Regelung. Berlin: Marcus, 1914.
- Grotjahn A.* Soziale Pathologie. Versuch einer Lehre von den sozialen Beziehungen der Krankheiten als Grundlage der sozialen Hygiene. Dritte Auflage. (Reprint 1977.) Berlin: Springer, 1923.

Gruber M. Hygiene des Geschlechtslebens. Stuttgart, 1912.

Gruber M. Ursachen und Bekämpfung des Geburtenrückgangs im Deutschen Reich. Bericht erstattet an die 38. Versammlung des Deutschen Vereins für öffentliche Gesundheitspflege am 19. September 1913 in Aachen. München, 1914.

Hoffmann G. Die Rassenhygiene in den Vereinigten Staaten von Amerika. München, 1913.

Horn D. The criminal Body: Lombroso and the Anatomy of Deviance. New York; London: Routledge, 2003.

Käbin I. Die medizinische Forschung und Lehre an der Universität Dopat/Tartu 1802–1940. Ergebnisse und Bedeutung für die Entwicklung der Medizin. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk, 1986.

Kalling K. The Applications of Eugenics in Estonia // Conference paper at the workshop “Eugenic, Race and Psychiatry in the Baltic States: A transnational perspective”. Riga, 2009.

Kalling K. The Self-Perception of a Small Nation: The Reception of Eugenics in Interwar Estonia // Blood and Homeland: Eugenics and Racial Nationalism in Central and South-East Europe 1900–1940 / ed. by Paul Weindling and Marius Turda. Budapest: Central European University Press, 2007. P. 253–262.

Kol inskij E.I. A German trace in the Russian Evolutionism of the 19th Century // Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland im 19. Jahrhundert. Internationale Tagung. Leipzig, 29.09–01.10.2010 / ed. O. Riha and M. Fischer. Aachen: Shaker, 2011. S. 406–421.

Kraulis V. Zur Vererbung der hysterischen Reaktionsweise // Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1931. Bd. 136. № 1–2. S. 174–258.

Krementsov N. From “Beastly Philosophy” to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union // Annals of Science. 2011. Vol. 68. № 1. P. 61–92.

Madissoon H. Eugenik, Individuum und Volk // Acta Neuropathologica in honorem Ludovici Puusepp. 1935. Vol. 60. P. 349–354.

Mann G. Dekadenz-Degeneration-Untergangsanst im Licht der Biologie des 19. Jahrhunderts // Medizinhistorisches Journal. 1985. Bd. 20. № 1–2. S. 6–35.

Morel B.A. Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles, et morales de l'espèce humaine. Paris: Baillière, 1857.

Oorschansky J. Die Vererbung im gesunden und kranken Zustande und die Entstehung des Geschlechts beim Menschen. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1903.

Pick D. Faces of Degeneration a European Disorder 1848–1918. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.

Ploetz A. Die Tüchtigkeit unsrer Rasse und der Schutz der Schwachen. Ein Versuch über Rassenhygiene und ihr Verhältniss zu den humanen Idealen, besonders zum Socialismus. Berlin: S. Fischer, 1895.

Prīmanis J. Tautas dzīvā spēka pētī anas uzdevumi // Tautas dzīvā spēka pētī anas institūta raksti. 1939. № 1. P. 3–9.

Rossijanow K. Gefährliche Beziehungen: Experimentelle Biologie und ihre Protektoren // Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Profession unter Hitler und Stalin / ed. by Dietrich Beyrau. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000. S. 340–359.

Schallmayer W. Vererbung und Auslese im Lebenslauf der Völker: eine staatswissenschaftliche Studie auf Grund der neueren Biologie. Jena: Fischer, 1903.

Schallmayer W. Vererbung und Auslese in ihrer soziologischen und politischen Bedeutung, zweite Auflage. Jena: Gustav Fischer, 1910.

Schmuhl H.-W. Rassenhygiene in Deutschland — Eugenik in der Sowjetunion: Ein Vergleich // Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / ed. by Dietrich Beyrau. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000. S. 360–377.

Strasser P. Verbrechermenschen. Zur kriminalwissenschaftlichen Erzeugung des Bösen. Erweiterte Neuauflage. Frankfurt a. M., 2005.

Tartu Ülikooli Ajalugu. II: 1798–1918 [История университета Тарту] / ed. by K. Siilvask. Tartu, 1982. 370 f.

Upners T. Eugenikas Nozīme Tautas un Valsts Dzīvē. Riga: Latviju Grāmata, 1943.

Upners T. Experimentelle Untersuchungen über die lokale Einwirkung des Thiophens im Zentralnervensystems // Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1939. Bd. 166. № 1. S. 623–645.

Viksna A. Profesors Hermanis Buduls. Rīga, 2002.

Weber M.M. Ernst Rüdin: eine kritische Biographie. Berlin: Springer, 1993.

Weindling P. Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

Weingart P. et al. Rasse, Blut und Gene. Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.

Racial Hygiene in Russia Evgenij A. Šepilevskij (1857–1920) and his Role in Transferring Eugenics to Russia

BJÖRN M. FELDER

Georg-August Universität Göttingen, Göttingen, Germany; bfelder@uni-goettingen.de

Until now, the transfer of eugenics ideas from Western Europe and the USA as well as the beginnings of eugenics movement in tsarist Russia still lay in dark. Evgenij Shepilevskij had studied in France and Germany and became professor for hygiene and bacteriology at the University of Dorpat (Jur'ev, Tartu) in 1903. In 1913 he published one of the first monographs on eugenics in Russia. Following the Western examples of the USA and Europe and influences by writings of Ernst Rüding und Geza von Hoffman he recommended broad eugenic propaganda, the establishing of a Russian eugenic society and also the application of negative eugenics in Russia. In the years before World War I he was probably the first professor in Russia who lectured eugenic issues to students but also to colleagues as for example at the Pirogov society of physicians in Dorpat. Shepilevskij was not the only one of the first eugenicists in Russia. Among his students there were leading eugenicists of the later emerging Baltic States of Estonia and Latvia. The paper examines the Shepilevskij's views of Eugenics, his role in transferring eugenics to Russia and his person as an example in the networks and communication in the North-East of Europe.

Keywords: Eugenics, Hygiene, Russia, Baltic States, Germany, scientific transfer, University of Dorpat/Tartu